

ЭВА ФИШ

Иногда предательство
становится началом
новой жизни

Новый МУЖ в деревне

РОМАН О ТОМ, КАК НАЙТИ СЕБЯ ЗАНОВО

Эва Фиш

Новый муж в деревне

<https://litres.ru/74316583>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маша была идеальной: идеальный ужин, идеальный дом, идеальная улыбка. Но муж предпочел ей ту, что умеет громко смеяться и разбивать посуду. Униженная и выгоревшая, Маша сбегает в деревню, чтобы начать жизнь с нуля. Но ее сосед — угрюмый отшельник, который чинит тракторы, — терпеть не может городских. Когда она чуть не спалит собственную баню, он решает, что она бестолочь. Однако именно в его обществе Маша впервые позволяет себе быть несовершенной, грязной и настоящей. Но не знает, как удержать мужчину, который видел тебя в самом непрезентабельном виде? И что делать, если он тебе нравится?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Эва Фиш

Новый муж в деревне

Глава 1

Наверное, первая любовь — самая чистая, самая незапятнанная, самая эмоциональная, честная. Так, я искренне считала. Мы с Борисом познакомились, когда я еще училась на втором курсе филфака, а он уже был подающим надежды молодым юристом в модном пиджаке и с улыбкой, от которой у меня подкашивались ноги. И вот, спустя шестнадцать лет, мы всё еще вместе.

Он — успешный адвокат, а я — идеальная жена своего мужа, домохозяйка, крепкий тыл, и надежный друг. Создательница идеального быта. На часах семь часов утра, а я уже стою у плиты. Идеальная прическа, волосок к волоску, идеальный макияж, приталенное платье и накрахмаленный фартук. На плите готовится его любимый омлет.

— Доброе утро, — раздался голос мужа за спиной. Бодрый и свежий.

Я обернулась и, как всегда, улыбнулась. Автоматически растянула губы в той самой улыбке, которая, по его словам, сделала меня «самой красивой женщиной на свете». Мне всегда хотелось ему нравиться, и время этого не изменило.

Борис стоял в дверях кухни. Идеальная рубашка цвета слоновой кости, свежий запах дорогого геля для душа, влажные волосы. Он выглядел так же, как и шестнадцать лет назад, только слегка раздался в плечах и приобрёл ту самую мужскую солидность, на которую так ведётся женское население его офиса.

— Привет, — ответила я, ставя перед ним тарелку. — Омлет с грибами, как ты любишь. Сейчас кофе сварю.

Он чмокнул меня в висок, сел за стол и тут же уткнулся в свой телефон. Завтрак прошёл в тишине, нарушаемой лишь звоном вилки о фарфор и редкими фразами. Он даже не спросил, как я спала, как у меня дела. Он никогда не спрашивал. Зачем? Он и так знал, что все хорошо. Ведь если я не жалуюсь, значит, всё хорошо. Это правило транслировалось на всю нашу жизнь и работало безотказно. В самом начале нашей совместной жизни меня это обижало, а потом я привыкла. Человека не переделаешь, и надо любить его таким, какой он есть.

Борис допил свой кофе, поднялся и положил на стол банковскую карту.

— Маш, я сегодня задержусь на работе. Дело сложное попало, надо поднять старые дела. Закажи себе что-нибудь из ресторана, хорошо? И не жди меня, ложись спать.

— Хорошо, — я улыбнулась, подставляя щеку для короткого поцелуя.

Он ушёл. Хлопнула входная дверь, и я выдохнула. Я вы-

мыла посуду, протёрла столешницу до зеркального блеска и пошла в спальню, чтобы перестелить постель. Я делала это каждое утро, как в больнице — натягивая простыню так туго, чтобы не было ни единой складочки. Мой маленький ритуал контроля над хаосом.

После спальни пошла в коридор, надо бы вымыть обувную полку и всю обувь. Чистота и порядок должны быть везде, а придверная зона в квартире — это лицо хозяев.

И тут я увидела его телефон. Он лежал на тумбе. Борис никогда не забывал телефон. Он носил его с собой в туалет, в душ, даже когда мы ложились в постель, он клал его экраном вниз на тумбочку. Дурацкая привычка современного человека. А тут — забыл. Спешил, наверное.

Я не хотела брать и уж тем более смотреть или копаться в нем. Я даже сделала шаг назад.

Не бери, Маша. Ты не такая. Ты выше этого, — уговаривала я себя. — *Ты доверяешь ему. Доверие — это самое важное в браке.*

Я приподняла трубку, протерла поверхность тумбы и вернула на место, но тут экран засветился, привлекая мое внимание. И первое, что я увидела — всплывающее уведомление из мессенджера. От контакта, сохранённого как «А.М.»: *«Ты где, милый? Я жду. Безумно соскучилась, Боренька».*

Я перечитала это сообщение раз. Два. Десять. Сто. Буквы не складывались в смысл. Они плясали перед глазами, как чёрные мухи.

Меня обдавало то жаром, то холодом.

Боренька. Она называла его *Боренькой*. Так, его называла только я. Все шестнадцать лет я называла его Боренькой, когда мы занимались любовью. Когда он болел. Когда я хотела его разжалобить. И теперь это имя, такое родное, такое интимное, принадлежало ещё и какой-то женщине.

Телефон выдал еще один звук входящего сообщения, и на экране появилось новое уведомление. Фото женских ног в откровенных, вульгарных, черных чулках.

Я стояла посреди коридора, сжимая его телефон в руке, и чувствовала, как внутренности скручивает ледяным узлом. Мне захотелось блевать, словно я съела, что-то гнилое. Я сделала глубокий вдох, но воздух не шёл в лёгкие — он застревал где-то в горле, превращаясь в острые ранящие льдинки.

И я физически ощущала, как мой идеально выстроенный мир медленно покрывается трещинами...

Глава 2

Телефон выскользнул из онемевших пальцев и глухо стукнулся о коврик у двери. Я смотрела на него, как на ядовитую змею, которая только что ужалила меня в самое сердце. Экран погас, но буквы «А.М.» и эти отвратительные, вульгарные ноги в чулках всё ещё стояли у меня перед глазами, выжженные на сетчатке.

Я плакала. Я кричала. Я просто села прямо на пол в коридоре, прямо на начищенный до блеска паркет, и обхватила колени руками. В груди было пусто и холодно, словно там отключили все источники света и тепла. Я смотрела на свою руку, на обручальное кольцо, которое Борис надел мне на палец в ЗАГСе. Мне всегда казалось, что оно стало неотъемлемой частью меня, сейчас же оно вдруг начало мне давить и пережимать палец, ощущаясь чем-то мерзким и чужеродным.

— Нет, это какая-то ошибка, — прошептала в пустоту. Голос звучал чужо, хрипло. — Просто дурацкая шутка. Или клиентка. Они все в него влюбляются. Это нормально. Это не его вина.

Я попыталась встать, но ноги не слушались. Меня шатало. Я взяла телефон снова. Руки дрожали, и я боялась выронить его во второй раз. Я смотрела на чёрный экран, как на детонатор. Там, внутри, лежала правда. Я могла нажать на

кнопку, ввести его пин-код — я знала его, это была дата нашей свадьбы, — и увидеть всё. Все их сообщения. Но я не могла. Не потому, что боялась увидеть, что он на самом деле мне изменил. Я боялась увидеть *себя* в этих сообщениях. Увидеть, какой жалкой, обманутой и жалкой я выглядела все эти годы, и сама об этом не знала.

Я положила телефон на тумбу. Аккуратно, ровно, так как он лежал раньше. Словно ничего не произошло.

Встала, пошла на кухню и механически перемыла уже чистую посуду. Вода была горячей, почти обжигающей, но я не чувствовала боли. Я смотрела на своё отражение в окне. Идеальная причёска, идеальный макияж, идеальный образ хорошей жены.

— Ты дура, — сказала я своему отражению. — Ты просто дура.

Весь день я провела как зомби. Я перестирала бельё, шторы, покрывала. Я надраила ванную так, что у меня заныли плечи. Я перечистила ложки в ящике. Я пыталась заполнить тишину делами, потому что, если я останавливалась, в голове начинал звучать призрачный голос этой женщины. *«Безумно соскучилась, Боренька».*

В три часа дня я не выдержала. Я села за кухонный стол, взяла в руки свой телефон и открыла наш с Борисом чат. Я пролистала его вверх.

«Маш, я сегодня задержусь». «Маш, на ужин не жди». «Маш, купи, что хочешь, я переведу».

А потом я посмотрела на даты. Месяц назад. Два. Шесть. Год. В его сообщениях не было ни одного «скучаю», ни одного «люблю», ни одного «как ты?». Только инструкции. Только распоряжения. Только слова, которые превращали меня из жены в управляющую его бытом.

Господи, как же я не замечала этого раньше? Как я могла принимать сухие, короткие фразы за проявление заботы? Я искала в них любовь, додумывала, дорисовывала, оправдывала. *«Он мужчина, он занят».* *«Он так выражает свою любовь».* *«Он устает, он не хочет меня нагружать».* А он просто... просто отвык считать меня живой, любимой, своей женщиной.

Я вытерла слёзы, которые всё-таки потекли по щекам. Они оставляли на коже солёные дорожки, и макияж окончательно превратился в грязную маску. Я не пошла его смыть. Мне было всё равно. Идеальный образ, как и моя идеальная жизнь, дал трещину.

К вечеру я представила его лицо, когда он вернётся, возьмёт телефон и увидит, что я его не трогала. Он будет спокоен. Он ничего не заподозрит. И мне захотелось кричать от этой мысли. Он просто считает меня удобной, предсказуемой и глупой. Я поймала себя на том, что уже час смотрю в стену. Передо мной проносились картины. Я могла бы накричать на него. Разбить тарелку об стену. Собрать чемодан и уйти. Я могла бы отправить той женщине ответное сообщение с его телефона, все разузнать. Я придумывала сотни

способов отомстить. Сотни способов разрушить его идеальный мир, как он разрушил мой.

Но внутри меня сидела другая, более тихая, более трусливая Маша. Та, которая боялась остаться одна. Та, которая не помнила себя без него. Которая привыкла, что её жизнь — это его график, его друзья, его ужины, его планы. Куда я пойду? К кому? У меня нет подруг — они отпали, потому что я всё время была занята домом. У меня нет работы — я бросила аспирантуру, когда он попросил. У меня есть нет ничего, даже квартира, не моя, ее купил он, машина, которую он подарил, и меня словно яд затапливало чувство собственной никчёмности, которое теперь разрослось до небес.

В девять вечера я надела новое. Надела его любимое шёлковое платье. Приготовила ужин, который он любил. Поставила на стол свечи. Я сама не знала, зачем я это делаю. Наверное, я хотела проверить. Посмотреть ему в глаза и *понять*, есть ли там хоть капля чувств. Или он будет смотреть на меня с прежней снисходительной улыбкой, целовать в щёчку и называть «самой лучшей женой», даже не подозревая, что его секрет уже не секрет.

Я сидела за столом, глядя на остывающий ужин, и слушала, как тикают часы. За окном уже стемнело, город зажигал свои огни, а я всё ждала.

Я чувствовала себя марионеткой, у которой перерезали нитки. Я всё ещё сидела, всё ещё улыбалась, всё ещё дышала, но внутри меня больше не было той Маши, которая вери-

ла в «самую чистую» любовь. На её месте сидела злая, испуганная, растерянная женщина, которая держала в руках два билета в неизвестность: один — на прощение, другой — на разрыв.

И я понятия не имела, какой выбрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.